

на культуру общества или, напротив того, о воздействии этой культуры на личность. В этом, однако, мог бы лежать источник правильного истолкования человеческого образа действий. Было бы тщетно искать социологические законы, не обращая внимания на элементы социальной психологии, т. е. на воздействие между личностью и культурой. В данном случае можно вывести только общие формулы и наполнить их содержанием жизни можно только, принимая в расчет индивидуальный образ действий личности в культурном окружении. Общество включает множество личностей, различных по своим духовным свойствам, отчасти на основе своей биологической организации, отчасти под воздействием специальных общественных условий, при которых они развиваются. Тем не менее, многие личности действуют сходно, в весьма многочисленных случаях мы можем установить определенное воздействие культуры на общий характер поступков множества личностей, имеющих одинаковые духовные свойства. Отклонения от типов приводят к исключительному образу действий, и хотя они бросают поучительный свет на железное влияние культуры, на среднюю личность, они являются скорее элементами для изучения психологии личности, чем психологии общественной.

Если мы постараемся понять общее значение различных чуждых нам культур в этом отношении, мы сможем также разобрать, как много различных линий поведения в нашей собственной среде, которые кажутся нам основанными на общих свойствах человеческой культуры, на деле, напротив того, являются только выражениями нашей собственной культуры, подлежащими изменению с изменением окружающих условий.

Наша задача состоит в том, чтобы открыть среди разнообразных вариантов человеческих поступков линии, общие всему человечеству. Путем изучения общих элементов и разнообразия человеческих культур, этнография может помочь нам найти направление для дальнейшего движения человечества.

Перевод В. Г. Богораза.

В. Г. БОГОРАЗ-ТАН

ЗАМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ ФРАНЦА БОАЗА

Мой старый друг Ф. Боаз одинаково является этнографом, антропологом, лингвистом. При своих огромных знаниях он старается быть осторожным в суждениях.

Однако, по общему направлению, он относится к группе эмпириков, возглавляющих американскую этнографию. Все же, в отличие от Кларка Висслера, он ограничивает значение диффузии, т. е. распространение того или другого культурного элемента на больших территориях. Точно так же он далек от теории культурных кругов в его северо-американском варианте.

Он является крайним скептиком, который отклоняет от себя проведение общих законов, относящихся к развитию человеческих культур. Однако, и этот крайний скептицизм Боаз типичен вообще для всех американских этнографов. Молодой американский научный работник тов. Эммануил Гоник, бывший ученик проф. Кребера в Калифорнии и ныне работающий в СССР, свидетельствует о том, что эта безотрадная постановка этнографической работы приводит молодых начинающих ученых к полному унынию и рождает в них сознание бесплодности всей их научной работы. Он рассказывает, что однажды на семинарском коллоквиум один из студентов в ответ на вопрос проф. Кребера, для чего мы собираем и печатаем все эти монографии о различных народностях, дал такой ответ: „Может быть они пригодятся кому-нибудь в далеком будущем“.

Тов. Гоник сообщает далее, что часть молодых ученых восстает против этой бессистемной работы с ее безотрадными выводами. Он говорит, что

если бы методология марксизма дошла до сознания этих молодых ученых, они восприняли бы ее с большой охотой и легкостью.

Прежде всего отмечу в статье различные места, связанные с собственными работами проф. Боаза.

Например по вопросам антропологии: „одни и те же числовые отношения головных показателей встречаются у самых различных рас и, таким образом, не могут служить критерием для установления основных человеческих типов“.

В связи с этим можно напомнить серию работ Боаза вместе с доктором Фишбергом об изменении черепных указателей у детей эмигрантов Америки, с одной стороны, евреев, с другой стороны, неаполитанцев, которые, отходя от широкоголовости и длинноголовости, приближаются к одному среднеголовому типу. Эти выводы, основанные на очень большом числе измерений, существенно поколебали значение головных показателей для определения расы.

Мы имеем тут же и другое указание: „волосы определенной формы и цвета представляют большое единство, и форма волос представляет древнейшую наследственную расовую черту“.

Таким образом, форма и цвет волос являются признаком более устойчивым, чем размеры костей черепа. Одновременно с этим любопытно указать на отсутствие показателей агглютинации крови, которую Боазу следовало бы во всяком случае включить в свой анализ.

Такие неожиданные и странные пропуски характерны для эмпириков и в частности характерны и для Боаза. Еще пример: ограничивая значение диффузии, Боаз все же допускает установление взаимоотношений различных народов во всех областях земного шара. „Нужно отметить по поводу связи Старого и Нового Света указания на древние линии связи, соединявшие северовосточную Азию и северозападную Америку“.

Это указание Боаза относится к так называемой „Беринговой проблеме“, для подробного изучения которой он так много сделал. В этой области мы, советские этнографы, являемся учениками и продолжателями Боаза.

Далее нужно отметить указание определенных различий в социальной и духовной жизни первобытных народов Старого Света и Нового Света.

Таково различие основных форм судебного процесса в Африке и в Америке, значение клятвы и судебных испытаний в Старом Свете и полное их отсутствие в Новом Свете. Также для форм шаманства, в Старом Свете весьма типична одержимость шамана духом, в Новом Свете механическое проникновение сверхъестественных элементов в тело шамана. Эти указания также были сделаны Боазом.

В области шаманства мною было сделано несколько дополнений, напр., о шаманской инкубации, характерной для Старого Света и связанной с пассивностью искателей шаманства, которым духи навязывают шаманский дар путем принуждения и путем одержимости. Для Нового Света характерным является шаманский иску́с, ряд тяжелых испытаний, проходимых шаманом добровольно, по его собственному выбору и связанных с общей активностью искателей шаманства.

Следующий пропуск Боаза, еще более крупный, относится к области изучения языка.

„Даже наиболее полное знание истории развития языков ничуть нам не помогает понять, какое влияние оказывает язык на наше мышление“.

Суждение несомненно наивное. Яфетическая теория языка осталась вне поля зрения Боаза. При своих обширных лингвистических знаниях в области конкретных языков, яфетическую теорию Боаз знает крайне слабо.

Впрочем и в этом отношении он не составляет исключения. В новейшей работе о языке проф. Леонарда Блумфельда, вышедшей в 1933 г. в Чикаго, яфетическая теория тоже не упомянута, и даже кавказские языки вообще упомянуты только однажды и притом совсем бегло.

Я попытаюсь в дальнейшем сделать сводку основных положений Боаз, относящихся к этнографии, и указать, с одной стороны, на некоторые пункты, сближающие его мировоззрение с нашим собственным мировоззрением, обогащенным воздействием марксизма. С другой стороны, ряд пробелов необъяснимых и неоправданных делает мировоззрение Боаз для нас неприемлемым, чуждым и наивным. Начну с определения этнографии.

„Может быть, лучше всего определить наши задачи, как стремление уяснить те этапы, по которым человек пришел к своему современному укладу в биологическом, психологическом и культурном отношении“.

В связи с этим, он безоговорочно признает этнографию только частью истории: „весь материал нашего изучения является по необходимости историческим материалом, конечно, историческим в самом широком значении слова“.

И в другом месте:

„Истинное значение всех культурных комплексов можно понять только углубленным анализом всех человеческих элементов, входящих в данный комплекс. Короче говоря, этнографические материалы требуют по существу исторического изучения“.

Вместе с этнографическими явлениями он относит к истории также археологические данные.

„Первобытная культура вообще кажется нам устойчивой только вследствие отсутствия исторической перспективы. Первобытная культура меняется, конечно, медленнее, чем наша современная цивилизация. Но группы археологических находок свидетельствуют об определенных изменениях, происходивших в пространстве и во времени“.

Сюда же относится отчетливое отделение элементов статических от элементов динамических и такое указание: „Динамические процессы тоже можно определить как стремление обычаев изменять свою значимость соответственно изменениям культур“.

Это указание имеет характер диалектический и относится к изменению значимости одного и того же явления при его последовательном переходе от одной социально-экономической формации к другой.

Боаз отодвигает на задний план влияние элементов биологических и в частности антропологических, а также элементов географических, выдвигает вперед элементы исторического изучения.

Однако, больше всего нас сближает с Боазом его настойчивое подчеркивание весьма сложного комплексного характера основных элементов человеческой культуры:

„Технические изобретения, экономическая жизнь, социальная структура, религия, искусство, этика — все эти явления тесно связаны друг с другом“.

И в другом месте: „Каждая попытка вывести происхождение культурных форм из единого ряда причин всегда обречена на неудачу, ибо различные культурные явления тесно переплетаются вместе и ни одно из них не может измениться, без воздействия также на все другие элементы. Культура, по существу, интегральна“.

Рядом с этим имеем другое не менее настойчивое указание: „Исторические данные приносят возможность проводить изучение дальше частичного опыта одного и того же поколения. Однако, психологическую проблему нужно изучать не в историческом разрезе, а в современном обществе живых людей“.

И далее:

„Для правильного понимания исторических процессов знакомство с современными процессами жизни не менее необходимо, чем знание биологических процессов для понимания развития биологических форм“.

Еще указание: „Мы часто находим в недрах той же самой культуры любопытные прорывы в действиях тех или других личностей, а порою, с изменением окружающих условий, в поступках одного и того же лица“.

Это соображение Боаза можно подтвердить фактами из истории революционных эпох, когда внезапное изменение окружающих условий создает изменение поступков и приемов мышления не только отдельных личностей, но также и целых более или менее значительных групп.

Переходя к пассиву суждений и воззрений Боаза, нужно прежде всего отметить какую-то странную неустойчивость самых основных и существенных из его утверждений.

Например: „Культуры различаются между собой как зоологические виды или роды и общая основа потеряна вполне безвозвратно“.

Это тот же самый биологический подход, который из анализа элементов культуры проник в самую сущность методов изучения.

Это „зоологическое утверждение“ резко противоречит другим утверждениям Боаза, напр.: „Культура представляет фактор гораздо более важный, чем телесные свойства“, или дальше: „Результаты анализа материалов, накопленных в течение последнего пятидесятилетия, ничуть не подтверждают мысли о тесном соотношении между биологическими типами и формой культуры“. Но Боаз как бы не замечает этого противоречия.

Мы встречаем такое указание: „Земледельческие народы становятся охотничьими, другие, напротив, от охоты переходят к земледелию. Народы, имевшие тотемную организацию, отступают от нее, а другие, напротив, заимствуют ее от соседей“. Мы видим здесь, во-первых, неожиданное преувеличение значения диффузии, которая распространяется даже на тотемную организацию.

С другой стороны, нам трудно принять такое положение, что земледельческие народы становятся охотничьими. Это положение связано с общей идеей о деградации культуры, тесно примыкающей к воззрениям школы кардинала Шмидта и в общем не соответствующей ничуть действительному течению фактов.

Но важнейшая часть пассива в воззрениях Боаза представляет его отношение к экономическим условиям. Ввиду важности этого различия между Боазом и советской этнографией повторю это место полностью:

„Экономисты полагают, что экономические условия определяют культурные формы. Экономический детерминизм возникает в противовес географическому детерминизму. Несомненно, что взаимоотношения между экономическими факторами и другими элементами культуры значительнее и важнее, чем такое же взаимоотношение между географической средой и культурой. Мы, однако, считаем невозможным объяснить все стороны культурной жизни влиянием экономического фактора. Мы не видим, каким образом художественный стиль, определенный обряд или специальная форма религиозного верования может возникнуть исключительно на базе экономических влияний. Напротив, мы видим, что экономика и другие элементы культуры влияют друг на друга, то как причина и следствие, то как следствие и причина“.

Прежде всего поражает поверхностный характер этих суждений. Вне поля зрения Боаза, очевидно, оказалось понятие о базе и надстройке, о вырастании надстройки из базы и обратном влиянии и воздействии надстройки на базу. Между тем, в сущности, он был очень близок к этим понятиям. Точно так же у него отсутствует сознание различия и связи между социально-экономическими и идеологическими явлениями.

Вообще отсутствие социальных обобщений представляет самое слабое место мировоззрения Боаза. Он представляет себе экономику упрощенно и спутанно. Совершенно отсутствует различие производительных сил и производственных отношений, производственного процесса и распределения продуктов, понимание значения собственности на средства производства. Нет никаких указаний на взаимное соотношение общественных групп и ни разу не появляется не только понятие, но и самое слово „классы“. И, в конце концов, анализ Боаза

имеет, по существу, вполне механистический характер. Все элементы культуры вполне равноправны и вполне равнозначны. Они влияют друг на друга то как причина и следствие, то как следствие и причина. В этом и лежит причина безнадежного скепсиса Боаза. И в конце концов выводы статьи таковы:

„Культурные явления имеют такую сложность, что мне кажется весьма сомнительным и неосуществимым внести сюда твердые законы развития. Причинные соотношения культурных явлений зависят от взаимодействия личности и общества и никакая классификация человеческих обществ не может помочь разрешить эту проблему. Морфологическая классификация человеческих обществ вызывает и ставит различные задачи изучения. Но она их не решает“.

Тем с большим удивлением находишь в конце заключение, что этнография нужна человечеству для того, чтобы открыть среди разнообразных вариантов человеческих поступков общие линии практического поведения.

„Этнография может помочь нам найти направление для дальнейшего движения человечества“.

Эта концовка является вполне необоснованной. Ибо, каким образом этнография может служить для руководства в современной жизни, если в этнографических явлениях нет никакой закономерности.

И в конце концов, Боаз ничуть не отличается от Кребера и от других американских этнографов, которые принимают, что культура человечества представляет случайный конгломерат бессвязных, нередко противоречивых подробностей.

Католическая школа современной этнографии, возглавляемая кардиналом Шмидтом, представляет активную реакцию и ведет наступление против всех вообще научных достижений и приобретений недавнего прошлого, точно так же как немецкий фашизм ведет наступление против самых элементарных условий общественной жизни.

Кардинал Шмидт стоит диктатора Гитлера. Они соответствуют друг другу и делают общее дело.

Эмпирическая школа этнографии, возглавляемая Боазом и другими американскими учеными, с одной стороны, заявляет себя аполитичной, чуждой волнениям мира сего, а с другой стороны, она хотела бы скорее сохранить свой либерализм. Но вся она попала в тупик и запуталась в своих противоречиях.

Эти противоречия вытекают из классовых противоречий, хотя Боаз и его друзья не упоминают самого слова „классы.“

В лучшем случае эмпирическо-скептическая школа является вроде *quantité négligeable*, чем-то почти невесомым в той ожесточенной классовой борьбе, которая ныне разгорается с небывалой яркостью во всех отраслях общественной жизни, начиная от баррикадного боя и кончая полемикой на страницах спокойных и толстых ученых „трехмесячников“.

М. О. КОСВЕН

РИХАРД ТУРНВАЛЬД И ЕГО ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ ТРУДЫ

Рихард Турнвальд (род. в 1869 г. в Вене), доктор прав, профессор Берлинского университета, почетный член Лондонского антропологического института, в 1931—1932 академическом году читавший курс лекций в одном из университетов САСШ, принадлежит в настоящее время к числу наиболее видных представителей буржуазной „этнологии“.

Первые литературные опыты Турнвальда представляют собой небольшие компилятивные и незначительные статьи о „государстве и хозяйстве“ древнего Египта и Вавилонии (1901—1904 гг.). Годы 1906—1909 Турнвальд пробыл